

Маша Глинина проснулась. Некоторое время она лежала на кровати, блаженно свободная от мыслей. Потом Маша вспомнила, что сегодня суббота и она наконец-то сможет заняться любимым делом. А это у неё получалось нечасто.

Учёба на нелюбимом экономическом факультете отнимала много времени и сил: задания по математическому анализу, бухучёту и финансовому менеджменту Глинина выполняла крайне старательно, потому что за плохие оценки было бы очень стыдно перед родителями. А тут ещё папин друг предложил ей поработать в его фирме на полставки. На семейном совете решили, что надо соглашаться, ведь со всех сторон в этом виделись одни плюсы: Маша получала опыт работы, близкий к специальности, платили деньги, которые были так нужны, да и офис находился недалеко от универа. А минус был только один: работа Маше совершенно не нравилась.

Примерно месяц назад она возвращалась пешком из офиса в унылом настроении. На улице было серо и скучно. Листья облетели, и осень замерла в ожидании снега. И вдруг в сознании Глининой возникла грустная, но светлая, очень приятная, как ей показалось, мелодия. Было так волшебно – среди старого, надоевшего хлама в голове найти что-то новое, трепетное, из ниоткуда появившееся. Мелодия, только одной Маше известная, – кажется, будто на самом деле её и нет. А напевать начнёшь, даже если негромко, себе под нос, – и оказывается, что точно, есть, и не поспоришь с этим. Всё-таки звук – физическое явление.

И Глинина напевала, может быть, даже чуть громче, чем это прилично делать, когда идёшь по улице одна. Маша раз за разом повторяла эту последовательность

звучков, всегда добавляя что-то новое, варьируя её, бросая её из жара в холод, из бури – в покой, из одной тональности – в другую. Мелодия крепла, развивалась, жила, росла – и выросла, стала такой огромной, что не могла больше уместиться в тесном сознании Глининой. Когда Маша пыталась проиграть композицию мысленно, голова начинала болеть, будто разламывалась. Рождающуюся музыку нужно было скорее освободить, отделить от себя. Но она вернулась домой, и что-то, как всегда, отвлекло – записать мелодию не получилось. Не вышло сделать это и на следующий день.

И вот настала очередная суббота. Целый день наконец-то можно было посвятить музыке! Улыбка появилась на лице Маши Глининой, но быстро исчезла. Она вспомнила, что вчера вечером, как теперь часто бывало, задержалась в офисе, вернулась домой поздно – сил хватило только на то, чтобы поужинать и завалиться спать. Она не помыла посуду.

Она не помыла посуду вчера. Она не мыла её и позавчера тоже. Это значило, что сейчас в раковине стояло изрядное количество тарелок и, чтобы сделать их чистыми, требовалось около получаса.

Глининой стало как-то тревожно, неудобно. Ей так хотелось взяться за работу беззаботной, свободной, ни на что не отвлекаться, не думать ни о чём, кроме музыки. Конечно, поднявшись с постели, она сначала позавтракала бы, провела бы немного времени в ванной, но потом бы сразу принялась за дело. Она ведь ждала этого так долго! А теперь придётся отсрочить чудесный момент встречи с музыкой ещё на полчаса. Ведь не может она спокойно работать и творить, зная, что в раковине зловонной горой, чёртовой пирамидой возвышаются грязные тарелки, что кислый запах, идущий от них, заполнил уже, вероятно, всю кухню.

Хорошо, она встанет и помоеет посуду. Это не так уж и долго. Всего-то полчаса. Потом начнёт трудиться над мелодией. Не нужно огорчаться – решила Маша. Да, ещё немного времени уйдёт на завтрак.

«А что там есть, в холодильнике?» – спросила она себя. Маша мысленно открыла дверцу холодильника и увидела внутри только светящуюся пустоту. Вчера вечером она доела остатки овощного рагу с гречкой. Значит, придётся ещё и бежать в магазин за продуктами, потом готовить завтрак. Хорошо бы, конечно, купить молока и сварить какую-нибудь кашу, например овсянку, такую полезную, ведь в рабочие дни она завтракает как попало, желудок уже даёт понять, что так нельзя... Хотя бы в выходной можно и нужно нормально поесть утром. Ладно-ладно, она сейчас встанет, пойдёт в ванную, потом отправится в магазин, сварит геркулес, позавтракает, помоеет посуду. И наконец-то, наконец-то сядет и запишет мелодию, которую так устала носить в голове!

Может быть, она потратит час или два на все эти необходимые дела... Не так уж страшно, когда впереди есть ещё целый день, который она посвятит творчеству. Глина успокаивала себя, но настроение было подпорчено и тревога пробудилась.

Господи, но ведь обеда тоже нет! Вот она сварит кашу, позавтракает, помоеет посуду и сядет писать. Но после снова захочется есть! Сначала слегка засосёт под ложечкой, потом заурчит, забулькает в животе, всё сильнее и сильнее... Из самых глубин тела голод, как маленький ребёнок, будет кричать и плакать, требуя пищи. И если не накормить его вовремя, может появиться тошнота или заболит голова... Как писать музыку в таком состоянии? Придётся идти на кухню. Готовить. Снова, только она погружится в музыку, надо будет себя выдёргивать из неё, как недозревшую морковку из грядки! Сколько у неё по-

лучится поработать? Часа два-три, может быть, четыре... Так мало! Когда столько нот носишь в голове, они сплетаются, спутываются, сворачиваются в клубок, и это тревожит, раздражает. Мысленно ищешь конец нити, чтобы его распутать, чувствуешь, что почти нашла, – и успокаиваешься. Но вот садишься писать – и оказывается, что конец нити не найден, и на поиски его уходит время, иногда много-много времени... Только отыскала, зацепилась – и опять надо вставать, отвлекаться!

Нет, боже мой, так нельзя. Вообще-то, можно просто сварить пельмени на обед, это не так долго. Когда она уже начнёт правильно питаться? Жизнь идёт, а она всё ест и ест эти бесполезные пельмени. Что ж, Глинина решила, что начнёт правильно питаться позже...

Утренняя беззаботность ушла. Волны тревоги мрачно колыхались внутри. Подниматься с постели не хотелось. Пролежав ещё минут тридцать в подобных мыслях, Маша всё-таки заставила себя встать. Она подошла к комоду, открыла верхний ящик, чтобы взять оттуда чистое бельё, но его там не оказалось. Сегодня нужно было ещё и стирать! Конечно, это совсем не долго и не трудно – просто положить грязное бельё в стиральную машину, отмерить, насыпать порошок, нажать на кнопку... Потом ещё всё развесить... Минут пять, не больше, и всё-таки это тоже мешает, не даёт сосредоточиться на главном.

Маша снова села на кровать. Она почувствовала, как поднимающаяся волна тревоги становится волной отчаяния, и можно захлебнуться ею. Прогулка до комода напомнила Глининой, что неплохо было бы сделать уборку – в углах комнаты слежавшимися пушистыми клочками лежала пыль, пыль серым слоем покрывала мебель, босые ступни Маши чувствовали каждую пылинку, каждую соринку на не мытом в течение двух недель полу. В прошлые выходные Глинина готовилась к семинару по истории эко-

номических учений, решала домашнюю контрольную, а ещё брала работу из офиса на дом – наводить порядок в квартире было некогда. Обязательно нужно было убраться на этой неделе. Правда, оставалось ещё воскресенье – почему бы не сделать это завтра? Или всё-таки сегодня? Закончить все бытовые дела и со спокойной душой взяться за главное, любимое, желанное – творить музыку. Хотя, наверное, уборка подождёт и до завтра. Или нет? А вдруг завтра появится ещё что-нибудь срочное? Дышать пылью так вредно... Если она не успеет сделать уборку в эти выходные, придётся отложить её до следующих! Но если она в ближайшие два дня не найдёт времени для музыки – будет носить вызревшую в голове мелодию ещё целую неделю! Маше Глининой казалось, что эти мысли, как вороны, почуявшие запах её боли, кружат над ней, в любой момент готовые наброситься и растерзать. Господи! В мире, где всё мимолётно, невечно, где люди однажды умирают, она вынуждена думать о грязной посуде, о мусоре, о пыли, о тряпках... Невыносимо!

А ведь было время, далёкое, чудесное, когда Маша могла заниматься музыкой сколько хотела. Она училась в музыкальной школе по классу фортепиано, была отличницей, на школьных концертах играла пьесы собственного сочинения, от которых все были в восторге, и готовилась к поступлению на композиторский факультет. Родители полностью освободили дочь от домашних дел, прочно заслонили её от быта. А потом Маша уехала из своего маленького городка в Н***, стала жить одна, и заботиться о себе пришлось самой.

Вспоминая счастливые дни, Глинина просидела на кровати ещё минут пятнадцать, а потом пошла в ванную. Медитативное намыливание в душе мало-помалу успокоило её, шум воды, соединившийся с урчанием стиральной машины, заглушил суетливые голоса мыслей, и в созна-

нии Глининой, сначала – тихо и едва слышно, потом – всё настойчивее и громче, всё более явственно и властно, зазвучала её мелодия. Как она рвалась на свободу! Как хотела отделиться от невечной, смертной Маши, не погибнуть когда-нибудь вместе с ней, обрести бесконечную жизнь в чёрных бусинках нот! И вот Маша уже представляла себе, как из этой мелодии родится прекрасное, достойнейшее произведение, которое она отшлифует до мелочей, в котором будет всё просто идеально. И тогда она принесёт его Петру Петровичу, заведующему кафедрой композиции в консерватории.

Года полтора Глинина, выкроив время между работой и учёбой, прибегала на консультации к Петру Петровичу примерно раз в месяц, и он отыскивал тысячу недостатков в её партитурах, иногда прикапывался даже к записи нот, после чего Маша ходила как в воду опущенная. Но теперь всё будет по-другому! Заведующий очень обрадуется, когда увидит Машу, ведь она не была у него уже полгода (и времени не хватало, и не очень-то хотелось, да и ничего нового не написала). А когда откроет партитуру, то будет поражён, восхищён! И похвалит её, так похвалит, как никогда в жизни...

Комнату наполнял пар от горячей воды. Маша смотрела на своё голое тело, красивое, молодое, на потоки воды, скользящие по нему и увлекающие вниз хлопья пены, и мечтала, и пела свою мелодию...

Она была увлечена и потому не сразу услышала, что в дверь звонят.

«Кого это принесло с утра пораньше?» – подумала Глинина.

Она наскоро обтёрлась полотенцем, надела махровый халат и подошла к двери, в которую уже безбожно и отчаянно колотили.

Маше стало страшно.

Стоило ей только повернуть задвижку замка, как незванный гость ворвался в квартиру. Это был сосед с нижнего этажа – необъятной фигуры дед, неопрятный, одетый в растянутые синие спортивные штаны и грязную, бывшую, вероятно, когда-то белой, майку.

– Ты знаешь, девочка, что у меня в ванной весь потолок мокрый? Это ты заливаешь! – очень громко, так, будто бы Маша сейчас находилась в другой комнате, а не рядом, прокричал сосед.

Его лицо, толстое, багровое, было искажено алкоголем и злостью. Дед этот был знаменит на весь дом своим скверным характером и пьянством. Глинина лично общалась с ним только один раз. Когда она только заселилась в одну из квартир унылой хрущёвки, то встретила с ним на лестнице, и тот сказал, что если вдруг девушка будет шуметь, музыку громкую слушать, гулянки устраивать, то он этого терпеть не будет. Ещё сосед представился, сказал, как его величать по имени-отчеству, и сейчас Глинина эти самые И. О. не могла вспомнить, перебирала в голове разные варианты (ведь как композитора его зовут... Пётр Ильич?.. Модест Петрович?.. Сергей Васильевич?..), в то время как дед не унимался:

– Ты заливаешь меня, девочка! Кто ремонт-то будет делать? Я, что ли, на свою пенсию? Мне её только на лекарства и хватает! Ну-ка пусти!

Дед бесцеремонно направился в ванную.

«Я же только сейчас мылась, у меня там брызги летели везде!» – в ужасе подумала Маша.

– Та-а-ак! Вода! Ты глянь, здесь вода! – воскликнул сосед.

Его ноги в резиновых синих шлёпанцах, надетых на серые шерстяные носки, стояли на обильно смоченном полу. Потом дед заглянул под ванну.

– Лужа! Лужа! Ты видела? Лужа! Тут! – истошно, но вместе с тем и как-то торжественно возопил он.

И дед не врал. В самом деле внизу, под выпуклым брюхом ванны, блестела лужа. Пол был мокрым, участок стены, спрятавшийся за ванной, отсырел, покрылся плесенью. Наверное, течь здесь была уже давно. Глина почувствовала страшный, выливающийся из середины груди, заполняющий всё тело, выступающий жгучей краской на щеках стыд. Как будто эту лужу сделала она сама! Словно она, взрослая и, может быть, умная и даже талантливая Маша Глинина, обмочилась здесь, прямо перед этим отвратительным дедом.

– Ремонт мне делать не на что. Тем более что ты виновата. За твой счёт буду ремонтировать, – констатировал сосед. – За твой счёт, ясно? Давай пять тыщ. Не дашь – я тебе тут устрою жизнь. Что глаза-то вылупила – глупая, что ли? Денег ты мне должна.

Деньги, деньги... Почему пять тысяч?.. Сейчас... Робко шепча слова извинения, Глинина открыла платяной шкаф в прихожей, не без труда нашла кошелёк в кармане куртки, дрожащими от волнения пальцами открыла его и увидела, что он пуст. Наличных нет.

Нет наличных... Нужно идти к банкомату, снимать деньги, потом к соседу... Ещё и разбираться, что случилось, почему натекла такая лужа, выяснять, что там не так, трубы, может быть... А что делают в этих случаях? Надо вызывать сантехника... Вроде на первом этаже в подъезде висит табличка, там есть номер телефона. Звонить, объяснять, ждать... Опять отвлекаться... И о помощи попросить некого.

Глинина пообещала соседу, что занесёт деньги.

Как легко было заставить её почувствовать себя неправой, неправильной! Критика, любое замечание, а тем более обвинение сразу выбивали почву из-под ног. Так

случилось и два с лишним года назад, когда Маша переменила своё решение – и поступила на экономический, а не на композиторский.

В год окончания школы, в апреле, Глинины поехали в Н***, где была ближайшая консерватория, чтобы показать заведующему кафедрой композиции, Петру Петровичу, произведения Маши.

Заведующий сидел за роялем. Он сдержанно поздоровался с Машей и попросил показать партитуры. Сердце Глининой готово было выпрыгнуть из груди! Её музыку пока слышали только в одном городке, но скоро всему миру предстояло узнать, насколько она хороша. Пётр Петрович молчал, сосредоточенно глядя в нотные листы, и Маша ждала, когда же он выразит своё восхищение.

– И как это, по-твоему, будет скрипач играть? Тут ноты вообще не в диапазоне скрипки! – заговорил он вдруг. – А флейтист у тебя умер уже давно от гипоксии. Ему негде вдох сделать в этой партии! Вот здесь зачем две гитары? И почему начинающие всегда думают, что надо браться сразу за крупную форму? Первым делом нужно обязательно сочинить симфонию! Машенька, вот тебе задание: напиши просто небольшую прелюдию для фортепиано. Попробуй выразить одну, да, одну музыкальную мысль. А через месяц мне покажешь. Если не получится приехать – вот мой электронный адрес, пришлешь по почте, я отвечу.

Сначала Маша разозлилась. Столько было сказано о всяких мелочах – и ни слова о главном: о том, сколько чувств живёт в её музыке, как они сильны и глубоки, как они действуют на слушателя! Как красивы мелодии, которые приходят ей в голову! Но потом стала сомневаться в себе, бояться: вдруг всё-таки она не так талантлива, как думает, вдруг её творческих способностей не хватит, чтобы в море жизни держаться на плаву. Её вера в себя

была потеряна. Маша поступила на экономический факультет в Н***. Родители одобрили такой выбор: лучше было получить надёжное, серьёзное образование, которое потом станет спасательным кругом. И всё-таки музыка жила в Маше, и ей не хотелось отказываться от своей мечты. Она собиралась усердно заниматься, ходить на консультации к Петру Петровичу, писать музыку и через четыре года всё-таки поступить на композиторский. Но заведующий всегда-всегда находил в её партитурах какие-нибудь недостатки. А на экономическом Маша получала в основном пятёрки и почти не слышала критики.

Сейчас же было так мерзко и стыдно, оттого что она, Маша Глинина, виновата, наделала такую смачную лужу, и что гадкий старикан об этом узнал, и что он посмел так орать на неё, а безответная, тихая Маша всё это стерпела и ничего грубого не сказала, что она, придавленная чувством стыда, отдаст ему покорно деньги. Просто отвратительно... И самое главное – время! Сколько времени будет потрачено так глупо и бездарно!.. В мире, где люди умирают, и потому каждое, каж-до-е мгновение ценно, она тратит часы, дни, недели на полную ерунду, такую же пустяковую, тленную и невечную, как и она сама! Сантехника, господи, сантехника, чтоб её!.. По уши засела она в этом бытовом болоте, и оно не пускает, затягивает всё глубже, на самое дно, и скоро уже дышать будет нечем. И нос, и глаза, и рот, и лёгкие – всё заполнится бытом, и ни один звук уже не выйдет наружу. Но ведь она пытается остаться на поверхности, вырваться, она стремится к искусству, надеется создать хоть что-то вечное, что, может быть, переживёт её...

И вот Глинина идёт по чистому, хрустящему снегу. Солнце светит ярко, бодро, приветливо. Одна рука её лежит в кармане куртки и держит красно-оранжевую

купюру. Вторая рука Маши несёт пакет с продуктами, угловато топорщащими полиэтилен.

Маша хочет радоваться ясному зимнему деньку и не может. Минут десять назад позвонила одногруппница и спросила, какие статьи надо прочитать к семинару в понедельник. А она и забыла, что надо готовиться к семинару. Но придётся, придётся... Маша идёт, и ей кажется, что к её рукам, к ногам, к пальцам, к голове привязаны тоненькие, невидимые, но прочные ниточки и кто-то дёргает за них, управляет ею, покорной, несвободной...

Глинина подходит к дому и видит машину скорой помощи, стоящую у её подъезда.

– Камуто Хировато, – вспоминает она шутку из детства, но эта острота не может прогнать страх болезни и смерти, который всегда охватывает девушку при виде скорой. Страх этот больно укалывает Машу, и она, как обычно, успокаивает себя: «Наверное, женщина какая-то рождает, в роддом повезли».

Скорая помощь уезжает. Две пожилые соседки смотрят вслед удаляющейся машине.

– Что случилось? – спрашивает у них Глинина.

– Да Михал Иваныча с инфарктом увезли, – отвечает та, что потолще.

«Точно! Михаил Иванович! Как Глинку его зовут! А я вспомнить не могла!» – восклицает про себя Маша.

Та женщина, что потоньше, охотно рассказывает: Михал Иваныч сегодня утром с соседом «изрядно накатили», а ему врач запретил, а это уже какой инфаркт по счёту, и дай Бог откачают.

Старые соседки ещё что-то говорят, но Глинина не слушает их. Она молча направляется к подъезду, вынимает из кармана ключ, открывает дверь, входит. Сегодня она увидела тень смерти совсем близко, но не заметила, не разглядела её, спрятавшуюся в толстом некрасивом

лице этого вздорного деда, Михаила Ивановича. В мире, где люди смертны – смертны они по любой ничтожной причине. Страшно подумать, что инфаркт у соседа случился потому, что он так разнервничался из-за этой дурацкой лужи. Из-за глупой, бессмысленной, никчёмной, никакой лужи! Но ведь она, Маша Глинина, её сотворила. Она мылась, она лила воду. И лужа образовалась. Она этого не хотела. Конечно, она не виновата, нет... Старик пил, и кто просил его так злиться из-за ерунды? Но если дед умрёт, то лужа будет иметь отношение к его смерти, и, значит, лужа эта, презренная, мокрая, – всё-таки не ерунда, и в ней есть смысл, и она может решить чью-то судьбу... И ведь если даже лужа – не вздор, не бессмыслица, то что же тогда вообще считать вздором? Что же тогда важно, а что – нет? Да и что сама Маша? Как любой человек, она на восемьдесят процентов состоит из воды – что же она такое, если не просто большая ходячая лужа?

Маша Глинина поднимается по лестнице. Она представляет ноги будто в оцепенении, какая-то твёрдая, каменная, и вдруг в её сознании снова начинает звучать музыка. Нет, не та мелодия, которую она носила в голове и мечтала выпустить на белый свет, – другая: траурная, скорбная, медленная. Маша входит в квартиру. Снимает верхнюю одежду, разувается. Постиранное бельё покоится в чреве стиральной машины, на полу в ванной не исчезает лужа. Маша идёт на кухню.

Она опустошает пакет с продуктами и помещает их в холодильник. Подходит к раковине. Немытые тарелки стоят одна в другой, верхнюю наполняет желтоватая мутная вода с остатками вчерашнего ужина. На поверхности, как листья кувшинок, плавают кусочки петрушки и каких-то ещё овощей. Мелкими камушками к стенкам тарелки приклеились крупинки гречки. Маша открывает

кран. Чистой струёй течёт вода. Маша берёт верхнюю тарелку, выливает из неё кисло пахнущую жижу. Камушки гречки остаются прилипшими. Она принимается мыть посуду. Тёплая водичка так приятно течёт по рукам, смывает с тарелок кусочки еды, смешивается с ними, со старой, застоявшейся в тарелках водой и убегает вниз, спускается в подземное царство канализационных труб, течёт и течёт по ним, вбирая в себя всё больше и больше грязи и нечистот, наполняясь ими, течёт и течёт, до самой центральной канализационной магистрали, до самого центра Аида, где потом ей предстоит вновь отринуть от себя всё, что засорило её на время, и снова стать чистой, пустой, прозрачной.

Маша медленно моет посуду, в её ушах звучит траурная мелодия – сначала тихо, потом становится всё громче и громче, всё реальнее, плотнее, тяжелее. Это сначала удивляет Машу и даже нравится ей, – она и не знала, что так бывает, – но потом начинает пугать. Машу охватывает паника. Она хочет, чтобы эта музыка затихла, замолчала, хоть на минуту перестала быть, но ничего не выходит. Кажется теперь, что в голове играет целый симфонический оркестр: звонко, сочно, отчаянно – и каждую партию она отчётливо слышит! В ушах звенит, и, чтобы заглушить этот звон, Маша начинает петь главную тему, петь во весь голос, так громко, как она только может! Сердце колотится, воздуха не хватает. Маша думает, что у неё, как и у соседа, сейчас случится сердечный приступ. Она больше не может быть одна. Ей нужна помощь, сейчас, сию же минуту! И Маша бросает грязную тарелку, которую только что взяла в руки, кран остаётся открытым, вода течёт. Маша бежит в прихожую, забывает надеть пуховик и сапоги, в носках вылетает в подъезд, дверь в квартиру остаётся открытой настежь. Она сбегает вниз по ступеням, скорее, скорее – и вот уже на улице, снег искрится на солнце.

Маша хочет кричать, звать на помощь, но почему-то начинает петь. Она замечает, что поёт свою мелодию: слов нет, ведь это не песня, – она поёт на звук «а», и на звук «о», и на другие гласные... Жаль, что этот красивый безумный вокализ слышат только те самые соседки, ещё не вернулись домой, стоят где-то вдали, такие маленькие... А Маша поёт, выпевает из себя звуки, голос несёт в мир новорождённую мелодию, музыка выходит на свет божий из раскрытого рта. И вдруг Маше становится так легко и хорошо. Все звуки пропеты. Она замолкает, ложится на снег, свободная, успокоенная.

– Опять скорую, что ли, вызывать? – говорит одна из соседок.